

Мареева Е.В.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного института культуры,
зав. кафедрой общеобразовательных дисциплин Института МИРБИС.

С. Мареев о конкретном историзме в исследовании либерализма и демократии

S. Mareev on concrete historicalism in the study of liberalism and democracy

Аннотация

В статье проанализирована критика С.Н. Мареевым либерализма на основе методологии конкретного историзма. Мареев показывает, как после буржуазных революций происходит раздвоение общедемократического движения на либерализм, где равенство ограничивается в пользу индивидуальной свободы, и радикальный низовой демократизм, в котором свобода приносится в жертву равенству. Указанное противоречие не может быть разрешено в форме социалистической демократии на основе формального обобществления труда и собственности, но уже здесь присутствует момент движения к его разрешению при коммунизме, где свободное развитие каждого должно стать предпосылкой свободного развития всех.

Ключевые слова: демократия, либерализм, свобода, равенство, справедливость, Мареев, Ильенков, Маркс, Ленин, Руссо.

Abstract

The article analyzes S.N. Mareev's criticism of liberalism based on the methodology of concrete historicism. Mareev shows how, after bourgeois revolutions, the democratic movement split into liberalism, where equality is limited in favour of individual freedom, and radical mass democracy, where

freedom is sacrificed to equality. The mentioned contradiction cannot be solved in the form of socialist democracy on the basis of formal socialization of labour and property, but already here, there is an element of movement to its solution under communism, where the condition for the free development of each is the free development of all.

Keywords: democracy, liberalism, freedom, equality, justice, Mareev, Ilyenkov, Marx, Lenin, Rousseau.

Более 20 лет назад В.И. Толстых организовал первую большую конференцию, посвященную личности и наследию Э.В. Ильенкова, Сама конференция, как и книга, изданная по ее итогам, назывались «Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков». Именно там Сергей Мареев впервые выступил на тему «О либерализме и демократии» [9]. К той же теме он настойчиво возвращается в последние годы, отстаивая позицию, сформулированную в годы перестройки [6,7,8,10]. Что-то уточнялось и углублялось в свете происходящего, появлялись новые яркие образы и более точные формулировки, но оставалась принципиально той же сама позиция - в теоретическом и моральном плане. И эту последовательность отмечают сегодня многие: как говорится, *post factum*. Тем более, что общая тенденция была другой, и за идеологической конъюнктурой в те перестроечные времена следовали, казалось бы, вполне уважаемые люди. Те, кто в 80-х гг. признавали теоретическую значимость марксизма, в 90-х гг. вдруг осознали безусловное превосходство русской религиозной философии. А сегодня к тем же людям нежданно-негаданно приходит осознание достоинств советской философии.

На таком фоне Мареев выглядел догматиком, а в глазах «прогрессивно мыслящих» коллег и вовсе реакционером. Тем более, что в годы самой свирепой перестроечной демагогии он сознательно повторял постановку

этого вопроса В.И. Лениным [4] и Мих. Лифшицем [5], которого либеральная интеллигенция времен застоя считала догматиком за критику модернистского искусства.

Но абстрактной фразе о безусловных достоинствах демократии Сергей Николаевич с самого начала противопоставлял не формулы, а реконструкцию логики самой истории, где как раз и обнаруживает себя расхождение демократии и либерализма. Там, где, казалось бы, все ясно, он видел проблему, поставленную и обостряемую самим ходом истории. Библиография его работ показывает, как он сдвигался в 90-х гг. от анализа методологии Маркса, чему посвящены его кандидатская и докторская диссертации, к ее историко-философским основаниям, а с другой стороны - к проблемам, имеющим связь со злобой дня. В этом смысле анализ им природы либерализма как раз и показывает преимущества методологии конкретного историзма.

Только с обывательской точки зрения либерализм и демократизм – одно и то же. А если подходить к проблеме конкретно исторически, то либерализм – это особая форма демократии, которая соответствует буржуазной эпохе, основанной на рыночном хозяйстве. Именно поэтому во всех упомянутых работах Мареева говорится о том, что демократия демократии рознь. Одно дело полисная демократия древних греков, у которых она есть главное проявление «греческого чуда». Другое дело демократическое устройство русской сельской общины. Что касается либерализма, то это исторически конкретная форма демократии в экономической жизни, политике и идеологии, в основе которой неприкосновенность частной собственности. Именно поэтому при характеристике либерализма Сергей Николаевич сопрягает его с буржуазным индивидуализмом. Практика и идеология либерализма основана на *свободе индивида как частного лица*. Либеральные свободы – это свободы граждан правового государства, где безусловен примат индивидуального интереса, а государство – «ночной сторож», который охраняет свободы граждан и

гарантирует их компромисс. Иначе говоря, у либеральной демократии свой особый демос из граждан с гарантированными либеральными свободами. И совсем другим был демос у древних греков, а значит и демос демосу рознь.

Не только у демократии в целом, но и у либерализма есть свои формы и своя история. И в самом начале, когда буржуазия в качестве «третьего сословия» встала во главе всего народа и сплотила его в борьбе с привилегиями аристократов крови, в либерально-демократическом движении был наиболее мощно представлен общенародный пафос, выраженный лозунгами Великой французской революции о Свободе, Равенстве и Братстве всех людей. Великие буржуазные демократы той эпохи считали самоочевидной не только свободу каждого, но и равенство всех. Сергей Николаевич повторяет слова отца американской демократии Томаса Джефферсона о самоочевидности того, что все люди созданы равными и наделены Создателем неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. И авторитет Создателя, и естественные законы природы привлекались в те времена для обоснования задач буржуазных революций. Английская, Американская и Французская революции, пишет Сергей Николаевич, осуществляли это требования. Но из трех лозунгов Французской революции, — Свобода, Равенство и Братство, «на практике сложнее всего дело обстояло с Равенством» [10, С. 43].

Только с точки зрения социологизаторов марксистского разлива, от которых дистанцировались и К. Маркс, и В.И. Ленин, идеологию либерализма всегда выражает буржуазия, а идеологию рабочего класса сам пролетариат. На деле все оказывается сложнее, и на примере гражданских войн мы видим, как классовыми врагами становятся родные братья. Что касается расхождения в понимании идеалов свободы и равенства, то Сергей Николаевич указывает на такую ситуацию уже у идеологов французского Просвещения. Речь идет об антагонизме Вольтере и Руссо, в лице которых уже в XVIII в. выразило себя раздвоение единого общедемократического

движения на собственно либерализм и радикальную и даже плебейскую демократию [8, С. 29].

Выдающийся просветитель Вольтер был противником деспотизма и церкви, о которой он писал «Раздавите гадину». Но он же презирал бедных. «Меня особенно возмущает, - писал Руссо, - презрение, с каким Вольтер при каждой возможности говорит против бедных» [1, С. 90]. Отношение к простому низовому народу, который, как правило, беден, неразвит и необразован, а поляризация на бедных и богатых, образованных и необразованных в XIX веке будет нарастать, становится лакмусовой бумажкой для определения либерала, который уже ставит свободу выше равенства и согласен поступиться равенством всех ради сохранения свобод для образованного и прогрессивного меньшинства. Еще раз подчеркнет, что на заре буржуазно-демократического движения не существовало ни этого выбора, ни самого противостояния собственно либерального и плебейско-демократического направлений в буржуазном обществе. Хотя в Великой французской революции уже участвовал Гракх Бабеф и его последователи бабувисты, предлагавшие уравнивать всех, причем не только политически и материально, но и в способностях и талантах.

Отношение к простым людям, социальным низам Сергей Николаевич считал главным критерием демократизма. В перестроечные времена, когда бывшие «пролетарии» вдруг обнаруживали у себя «дворянское происхождение», он напоминал, что сам из народных низов и не терпел презрительного и даже снисходительного отношения к простым и необразованным людям, на почве чего и произошел разрыв его дружеских отношений с журналистом И.А. Раскиным. К современному культу толерантности, выражающемуся в борьбе с сексизмом, гомофобией и пр., Сергей Николаевич относился отрицательно именно как к проявлению такого либерализма. Либерал, как было подмечено еще в XIX веке, это краснобай, на словах неустанно сражающийся за свободу и равенство. Но ситуация меняется, если речь заходит о том, чтобы поступиться своими личными или

групповыми интересами в пользу униженной части общества. Еще у греков софисты учили, как отстаивать свой интерес, скрывая его за риторикой в пользу общего блага. Мареев любил вспоминать М.Е. Салтыкова-Щедрина, у которого «культурный человек» никак не может сделать выбор: «либо севрюжины с хреном закусить, либо об конституции помечтать». Характерное для либералов краснобайство – это склонность к демократической фразе, но именно как фразе, за которой скрываются реальные интересы имущего и образованного меньшинства. Но столь же красноречиво, как это делали авторы «Вех» после подавления революции 1905 г., они будут оправдывать насилие, направленное против социальных низов, против большинства.

Обращаясь к выражению этого противостояния в философии, Сергей Николаевич отмечал, что либералы, в отличие от демократа Джефферсона, теперь уже неравенство загоняют в природу человека, лишь бы не поступиться своими интересами. Характерным примером Мареев считал позицию одного из авторов «Вех» Н.А. Бердяева, который в свое время отказался от марксизма. У Бердяева типично либеральная позиция противопоставления свободы равенству. «Свобода и равенство несовместимы, - пишет Бердяев. – Свобода есть прежде всего право на неравенство» [2, С. 127]. Между свободой и равенством, доказывает он, «существует не гармония, а непримиримый антагонизм» [2, С. 126]. При этом Сергей Николаевич не скрывал своего уважения к Ленину, открыто говорил о классовом подходе, чем определялось его отношение к нашему советскому прошлому. И это отношение было опять же не таким простым или догматичным, как это может кому-то показаться.

Историю XX века Сергей Николаевич в последние годы рассматривал через призму обострившегося конфликта между либерализмом и «своим иным» либерализма – радикальной низовой демократией. Если первые приносили равенство в жертву свободе, но вторые жертвовали свободой ради равенства. Именно в этом контексте рождаются тоталитарные общества XX

века, где низовое большинство подчиняет себе господствовавшее меньшинство.

Насилие с обеих сторон было закономерным проявлением уровня социального развития, а XX век лишь технически и экономически обеспечил условия для массовости проводимых репрессий. Тем не менее, в оценке моральной стороны вопроса Сергей Николаевич опирался на традиции русской революционно-демократической мысли. Если русские либералы считали возможным в отношении низов в лучшем случае милосердие (*презирая* слабых и неимущих, пишет Мареев, либералы согласны создавать для них лишь *дома призрения*), то русские революционные демократы Н.В. Белинский, Н.Г. Чернышевский, А.И. Герцен считали морально оправданной открытую борьбу низов за равенство политических и материальных возможностей, что, собственно, и привело в итоге к победе большевиков в Октябрьской революции.

Нравственно оправдать насилие со стороны слабого, а не сильного, ради освобождения, а не угнетения, может не только тот, кто сам был в положении слабого, бедного и униженного. На это способен человек, впитавший в себя классическую культуру, несущую идеалы гуманизма и справедливости. В любом случае Сергей Николаевич считал протест угнетенного, даже через насилие, по-своему нравственным и справедливым в предложенных историей обстоятельствах.

Сергей Николаевич считал большим упрощением характеризовать советское общество в качестве тоталитарного. Он не выносил отождествления сталинизма и гитлеризма. Но история XX века подтвердила, что крайности либерализма и радикального низового демократизма не снимаются диалектически в социалистической демократии в том виде, в каком она была реализована в СССР. Подобно Ильенкову, он не идеализировал советское общество, но, как и Ильенков, не идеализировал то, что противостояло ему на Западе. Мареев был согласен с Ильенковым в том, что, если справедливость в условиях западной демократии гарантируется

формальным правом, то справедливость в нашем советском обществе, чем дальше, тем больше, также подменялась формализмом и бюрократизмом, скрывающим личный и групповой интерес власть имущих.

В своих статьях, уже после «сокрушительных» реформ 90-х, Мареев показывает, что советский социализм был действительно обречен, поскольку, как писал Ильенков в письме Ю.А. Жданову в 1968 году, в советском обществе так и не удалось осуществить важнейший переход от формального к реальному обобществлению труда и собственности. Частную собственность сменила всеобщая частная собственность, и потому так легко было в ходе реформ Ельцина и Гайдара повернуть все вспять. Как показывает история, писал Сергей Николаевич, трудно отнять собственность частных лиц, но довольно легко приватизировать общую собственность в лице государства. «Грубый коммунизм», как это ни странно, концентрируя и обобществляя производство, как раз создает почву для номенклатурно-бюрократической приватизации. Такая приватизация невозможна на базе мелкой собственности. Для этого необходима *экспроприация*. Специфика номенклатурно-бюрократической приватизации как раз в том, что это приватизация без экспроприации, т.е. присвоение того, что было ничьим» [11, С. 276-277]. Таким образом, если в советском обществе равенство всех, пусть и в бедности, достигалось ограничением либеральных свобод силой социалистического государства, то в итоге в 90-х гг. мы на собственной шкуре испытали, как свободный рынок разрушает равенство в пользу свободы некоторых обогащаться и развивать свои способности под опекой уже либерального государства.

Демократизм Ильенкова и Мареева не был плебейским, как у Ж.-Ж. Руссо. Но в них обоих не было и намека на то, что именуют «барством». И в этом проявлялось огромное преимущество советского воспитания. В отличие от Руссо, оба прекрасно осознавали те возможности для развития личности каждого, которые открывает мировая классическая культура. И потому подлинное разрешение противоречий демократического развития они не

отождествляли с реальным социализмом XX века, а связывали с коммунизмом в его Марксовом понимании, где свободное развитие каждого должно стать условием свободного развития всех. Коммунизм таким образом оказывается решением не только и не столько экономических и политических задач, но преодолением на их основе существующего отчуждения каждого отдельного индивида от духовных богатств, созданных человечеством. Путь к коммунизму – это создание равных стартовых условий для каждого в освоении отчужденного от большинства в наши дни богатства мировой культуры. «При этом «богатство», которое тут имеется в виду, - пишет Ильенков, - это не совокупность «вещей» (материальных ценностей), находящихся в формальном владении, а богатство тех деятельных способностей, которые в этих вещах «овеществлены», «опредмечены», а в условиях частной собственности – «отчуждены»» [3, С. 163].

Не возвращение к природной жизни, как у Руссо, а высокая культура должна преобразить простой народ и разрешить противоречия либеральной демократии. Но стремление к тому, чтобы помочь низам подняться к вершинам культуры, а не подменять ее массовыми эрзацами, Сергей Николаевич видел и ценил уже в советском обществе. «Учиться, учиться и учиться» – это был не слоган, а реальная цель большинства советских людей, к которой стремились те, кто учился в вечерних школах, на рабфаках, на заочных отделениях вузов, втузов и т.д. Сам Мареев попал на философский факультет МГУ с учетом направления от Северного флота, где он до того проходил срочную службу. Поэтому он никогда не соглашался с теми, кто видел и видит в советском социализме лишь плебейский протест против достижений культуры, воплощенный в булгаковском Швондере.

Там, где мы жили, было и то, и другое. Реальностью был и Швондер, и сам писатель Михаил Булгаков, и его гонители, и его почитатели. Но суть конкретно-исторического анализа – в исследовании объективных противоречий эпохи, которым преодолеваются крайности выражения под

видом теории самой либеральной идеологии или антилиберального протеста. Теоретический анализ исключает идеологию, но не исключает нравственную позицию автора. Достоинство работ С.Н. Мареева о либерализме и демократии, на наш взгляд, именно в этом.

Литература

1. Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль. 1984. 318 с.
2. Бердяев Н.А. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии // Бердяев Н.А., Франк С.Л. Русское зарубежье. Из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. С. 7-242.
3. Ильенков Э.В. Маркс и западный мир // Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. С. 156-169.
4. Ленин В.И. Либерализм и демократия // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 21. М.: Издательство политической литературы. 1968. С. 237-236.
5. Лифшиц Мих. Либерализм и демократия. Философские памфлеты. М.: Искусство – XXI век. 2007. 336 с.
6. Мареев С.Н. Демократизм педагогики Э. Ильенкова // Э.В.Ильенков и проблемы образования: Материалы XVII Международной научной конференции «Ильенковские чтения», СГУ, 2015, С. 11-22.
7. Мареев С.Н. Либерализм и демократия о равенстве и справедливости // Альтернативы. 2014. № 4. С. 48-61.
8. Мареев С.Н. Либерализм и демократия, или почему Ильенков не либерал // Э.В. Ильенков и проблема человека в революционную эпоху. Материалы XIX Международной научной конференции «Ильенковские чтения» (Москва, 20–21 апреля 2017 года). М.: Изд-во СГУ, 2017. С. 28-33.

9. Мареев С.Н. О либерализме и демократии // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. (Книга — диалог). ИФ РАН, 1997. С. 79-85.
10. Мареев С.Н. О либерализме и демократии в русской литературе и общественной мысли // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. Научный журнал. 4 выпуск: политико-правовые проблемы образования и общества. – Усть-Каменогорск, 2018. С. 38-49.
11. Мареев С.Н. Социализм: теория и практика // Эвальд Васильевич Ильенков. М.: РОССПЭН. 2008. С. 268-287.
12. Руссо Ж.- Ж. Об общественном договоре. Трактаты // Пер. с фр. М.: "КАНОН-пресс", "Кучково поле", 1998. 416 с.